ведение современной аудитории политического дискурса в России и во Франции. Например, А.Н. Баранов сетует на то, что хотя «у нас уже есть хорошие парламентские ораторы (единицы), но решительно нет квалифицированной парламентской аудитории, которая умела бы слышать в речах ораторов (и хороших, и плохих) не только то, что ей хочется слышать, т. е. могла бы вступать в реальный, а не мифический диалог» [1]. Однако думается, из отсутствия внешних признаков диалога (активного речевого реагирования аудитории политического дискурса) не вытекает со всей непреложностью вывод об отсутствии понимания этого дискурса. Такое понимание вполне может быть результатом внимательного и молчаливого выслушивания и необязательно должно выражаться в активной дискуссии.

Сказанное, между прочим, проливает новый свет на результаты анализа советского политического дискурса, проведенного Патриком Серио. Анализируя два «основополагающих» для эпохи текста – «Отчет ЦК Коммунистической Партии Советского союза XXII съезду КПСС» Н.С. Хрущёва (1961 г.) и «Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической Партии Советского Союза» (1966 г.) Л.И. Брежнева, – П. Серио, в частности, приходит к выводу о том, что именно «советский способ оперирования языком» оказал на русский язык особое воздействие, в результате которого возник принципиально новый тип дискурса. При этом дискурс Серио определяет так: «Это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и в конечном счете особую грамматику и особые правила лексики. И … в результате создает особый “ментальный мир”» [9].

Не отвергая результатов Серио, необходимо внести следующие оговорки. Во-первых, для того чтобы в полной мере оценить «особость» советского дискурса, его нужно сопоставить не с умозрительными представлениями о некоем абстрактном общекультурном и общеевропейском дискурсе, а хотя бы с русским же дореволюционным, представленным в документах того же жанра, что и доклады, которые анализировал Серио, т. е. функционирующими в том же коммуникативном режиме (например, с документами Государственной Думы, Священного Синода и др.). Во-вторых, характеристика политического дискурса должна быть дополнена описанием коммуникативного режима, посредством которого функционирует этот дискурс. Тогда видно, что коммуникативный режим советского политического дискурса, хотя и не идентичен, но имеет некоторые общие черты с вышеописанным характерным для русской языковой культуры дискурсом слушания чтения вслух сакральных текстов. В свое время до революции русские крестьяне, собравшись в избе у грамотного односельчанина или в храме, выслушивали акафисты и каноны, подобно этому и коммунисты, собравшись на заседание партийной ячейки, выслушивали чтение не подлежащих критике, а следовательно, в определенном смысле сакральных, докладов ЦК КПСС.

Наконец, в-третьих, по отношению к выявленным Серио лексико-грамматическим характеристикам советского политического дискурса (выражающимся в явлениях «номинализации» и «сочинения») должен быть поставлен вопрос о том, насколько они в действительности специфичны, если сравнить их с текстами (например, с дореволюционными), функционирующими в том же коммуникативном режиме.

Таким образом, использование понятия коммуникативного режима при анализе политического дискурса позволяет выявить больше значимых характеристик этого дискурса, чем выявляется в ходе анализа, не использующего этого понятия.

Литература

1. *Баранов А.Н.* Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6.
2. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Монография. М.–Волгоград: Перемена, 2000. С. 31.
3. *Miles L.* 1995 – Preface // C. Schaffner, A.L. Wenden eds. Language and peace. Aldershot etc.: Dartmouth, 1995. P. IX.
4. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования: Сб. науч. тр./ РАН ИНИОН. Отв. ред. и сост. Герасимов В.И., Ильин М.В. М., 2002. С. 33.
5. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 73.
6. *Черноверская Т.А.* «Jeun Homme Atroce et Teatral»: К вопросу о театральной природе политического дискурса Французской революции // XVIII век: театр и кулисы. Сборник научных трудов. М.: Экон-информ. 2006. С.41.
7. *Руссо Ж.-Ж.* Письма к д'Алемберу. Письмо о французской музыке // История эстетики. Т.2. М.: Сов. Россия, 1964. С. 392-408.
8. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. 2-е изд. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Паломник, 2007. С. 162.
9. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века / РАН Ин-т языкознания РАН. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 38-39.

ОЦЕНКА ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗЭС

Павел КОСИЦЫН

аспирант факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

В ноябре 2009 г. руководители Белоруссии, Казахстана и России подписали пакет документов, предусматривающих запуск с 1 января 2010 г. Таможенного союза ЕврАзЭС, а с 1 января 2012 г. страны-участницы перешли к следующему, более высокому этапу интеграции – Единому экономическому пространству (ЕЭП).

В конце 2011 г. странами «тройки» была подписана Декларация о Евразийском союзе, который может появиться после 2015 г. по завершении создания ЕЭП. Проект Евразийского союза (ЕАС) предполагает создание союза независимых государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством.

К основополагающим принципам Соглашения о формировании ЕЭП можно отнести следующие.

1. Политический союз не предусматривается.

2. Разработка правовой базы ЕЭП на основе норм и правил ВТО и опыта интегра-

ции Европейского союза в перспективе делает совместимым Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана с Общим европейским экономическим пространством (ОЕЭП).

3. Общие правила макроэкономического регулирования в ЕЭП сходны с теми, что Маастрихтский договор устанавливает для участников Евросоюза: дефицит бюджета каждой из стран не должен превышать 3% ее ВВП, государственный долг – 50% ее ВВП, а инфляция не должна превышать самый низкий показатель среди всех стран объединения более чем на 5 процентных пунктов.

4. Поэтапная интеграция. Первый этап завершается формированием Таможенного союза и единой таможенной территории. Второй этап предполагает создание Единого экономического пространства, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства Сторон, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства. На последующих этапах экономического сотрудничества Стороны будут стремиться к согласованию параметров основных макроэкономических показателей.

5. Разноскоростной и разноуровневый подходы. Соглашение об экономической интеграции сохраняет заметную степень свободы по ряду ключевых позиций. Разноскоростной подход означает, что каждое государство самостоятельно определяет момент присоединения к тому или иному международному договору. Разноуровневый – что сроки возможного перехода к более высоким степеням интеграции определяются каждым государством самостоятельно. Так, заинтересованные государства могут присоединяться к ЕЭП, а в рамках самого ЕЭП страны-участницы могут согласовать разные скорости продвижения по различным вопросам.

6. Возможность присоединения к соглашению для других стран. Россия стремится сформировать ЕЭП в рамках всего СНГ. Молдавия, Узбекистан и Украина предложили разработать отдельные варианты своего вхождения в ЕЭП, к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству желает присоединиться Киргизия, ближайшим претендентом на вступление в ТС является также Таджикистан. Инициативу в этом направлении проявляют Армения и Сирия.

7. Гармонизация макроэкономической политики в следующих областях: налогообложение и фискальная политика; обменные курсы; процентные ставки; единые правила валютного регулирования.

8. Создания координирующих, т. е. наднациональных органов, по мере необходимости их учреждении. В частности, планируется создать Секретариат глав государств, где предусматривается принятие решений на основе консенсуса. Наднациональным органом должна стать единая регулирующая межгосударственная независимая Комиссия по торговле и тарифам, в которой решения будут приниматься с учетом экономического веса государств.

В целом, указанные особенности формирования ЕЭП предполагают уровень экономической и торговой интеграции более высокий, чем в других сравнительно успешных региональных торговых объединениях, таких как НАФТА.

Рассматривая создание ЕЭП как безусловно положительное явление, необходимо иметь в виду и проблемы, которые неизбежно возникнут в ходе реализации этого проекта. Таким образом, нам требуется комплексная оценка интеграционного потенциала проекта ЕЭП.

Первые экономические итоги. С созданием Единого экономического пространства на просторах Евразии образуется общая территория с единым таможенным оформлением. Это пространство уже само по себе является естественным сухопутным мостом между двумя гигантскими центрами экономической силы: Евросоюзом и Китаем.

Аналитики прогнозируют, что создание единого таможенного пространства в период до 2015 г. увеличит суммарный ВВП России, Белоруссии и Казахстана дополнительно на 18-20% – примерно на 4500 млрд, а в десятилетней перспективе – практически на одну треть – на $1 трлн. [1]. В частности, Россия к 2015 г. от создания Таможенного союза может получить прибыль в размере около $400 млрд, а Беларусь и Казахстан – по $16 млрд. Полное использование потенциала Таможенного союза может привести к сокращению сроков перевозки грузов из Китая в Европу примерно в четыре раза.

Пока же по итогам 2009-2011 гг. нельзя сказать, что деятельность Таможенного союза вызвала взрывной рост взаимной торговли стран-участниц – увеличение было небольшим. Знаковым стало превышение в 2011 г. объема взаимного импорта показателя 1991 г.

Доля Казахстана во внешней торговле России осталась на уровне 2,4%, доля Белоруссии увеличилась с 4,5 до 4,7%. Доля же Украины возросла значительнее – с 5,9 до 6,2%. Страны Таможенного союза не выделяются среди других стран СНГ темпами роста ВВП. Конечно, два года – слишком маленький срок для конвертирования свободы взаимной торговли в экономический рост. В полной мере использовать потенциал ТС страны не могли из-за технологических и структурных ограничений своих экономик.

Емкость создаваемого рынка. На долю трех государств ЕЭП приходится около 95% общего экономического потенциала стран СНГ. Эти страны располагают наиболее развитым научно-техническим, промышленным, финансовым и кадровым потенциалом, в них проживают 170 млн человек, и они располагают огромными природными ресурсами, практически полностью обеспечивая свои основные потребности. Совокупный ВВП трех стран оценивается в $1,32 млрд, а совокупный товарооборот – в $900 млрд. При этом доля России составляет 82% совокупного ВВП, 78% промышленной продукции, 79% инвестиций в основной капитал.

Немаловажным фактором является наличие значительной части русскоязычного населения и пока еще сохраняющиеся кооперационные связи между предприятиями, входившими ранее в единый экономический комплекс Советского Союза.

Социально-экономическое положение стран-участниц ЕЭП. Структура ВВП России, Белоруссии и Казахстана приближается к структуре мирового ВВП. Россия и Казахстан также выделяются среди стран СНГ по экспорту высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности. В то же время по сравнению с аналогичными показателями США (27%), Китая (29%), Малайзии (40%), Филиппин (66%) она слишком скромна на мировом рынке. В этой связи на передний план выходят вопросы совместной модернизации экономик ЕЭП.

У России и Казахстана проблемы роста прямо или косвенно зависят от конъюнктуры мирового нефтяного рынка, но в то же время экспорт углеводородов позволяет им проводить и относительно независимую экономическую политику. С другой стороны, ее реализация сдерживается нехваткой кадров, слабостью инновационной сферы, системой сложившегося государственного управления. В этой связи следует упомянуть, что динамичная интеграция в составе «тройки» в большой мере обусловлена именно энергетическими факторами.

Таким образом, государства-участники ЕЭП хотя и представляют собой наиболее развитые страны постсоветского пространства, но сырьевая ориентация их экспорта и структурные перекосы в экономиках не позволяют им претендовать на позиции в когорте наиболее развитых мировых государств.

В отношении расширения проекта ЕЭП следует отметить, что остальные постсоветские страны, независимо от модели развития, невелики по размерам внутреннего рынка и представляют собой периферийную и полупериферийную часть мировой экономики (хотя в ближайшее десятилетие следует ожидать сохранения динамично-

го развития Азербайджана, а также стран Центральной Азии благодаря более активному использованию ими соседского положения с Китаем, Ираном и Афганистаном).

Таким образом, расширение ЕЭП при сохраняющихся больших различиях в бюджетно-налоговых системах, структурах экономик, общем технологическом отставании и авторитарном стиле управления государств-потенциальных участников может привести, как это неоднократно бывало ранее, к нарушениям странами достигнутых договоренностей.

Оптимальное количество стран для участия в проекте. Проект Единого экономического пространства открыт для других стран. Для того чтобы понять, на сколько процентных пунктов увеличится (или уменьшится) темп прироста ВВП, например, России, при интеграции, скажем, с Украиной, за счет эффекта формирования более крупного рынка, приведем расчеты Л.З. Зевина и А.М. Либмана [2].

Приведенные данные демонстрируют, что от интеграции выигрывают в основном небольшие страны и страны с низкими темпами роста. Для всех стран, кроме демонстрирующего исключительно высокие темпы роста Азербайджана, интеграция с Россией привлекательна. Россия не выигрывает от интеграции, но потери темпов прироста ВВП являются незначительными. Интеграция же со всеми девятью странами региона уже дает России прирост ВВП в размере 0,06 процентных пункта (такой сценарий предполагает отдачу для всех без исключения стран региона). Очевидно, что для обеспечения существенного эффекта прироста и без того крупный российский рынок нуждается в достаточно сильном «партнере», которым в данном случае выступает весь регион.

Полученные результаты позволяют предположить приоритетность многостороннего подхода интеграции перед односторонним. Последний, возможно, и является более реалистичным, но обеспечивает ли он необходимую отдачу для России со стратегической точки зрения?

На данный момент этот вопрос крайне непростой, поскольку требуется найти паллиатив между выгодами интеграции всех стран в рамках как минимум ЕврАзЭС (тем более что многие из них выказывают настойчивое желание присоединиться) и рисками от расширения ЕЭП на нынешней стадии только что народившегося механизма.

В целом же статистика 2009-2011 гг. показывает, что по степени влияния взаимного сотрудничества на экономический рост страны Содружества можно разделить на три группы. В меньшей степени от него зависел рост экономики России, Азербайджана и Туркменистана, в большей степени – Белоруссии, Киргизии, Молдовы, Таджикистана и Украины. Остальные страны – Армения, Казахстан и Узбекистан – занимали промежуточное положение [3].

Взаимодействие с другими интеграционными группировками. Образование Таможенного союза в составе «тройки» создало определенные проблемы в деятельности материнского ЕврАзЭС, прежде всего в виде неравных условий ведения взаимной торговли странами-участницами. Это неравенство усилилось с запуском Единого экономического пространства. Так, Киргизия и Таджикистан оказались фактически исключены из интеграционного процесса в рамках ЕврАзЭС.

С другой стороны, Киргизия и Таджикистан могут воспользоваться возможностями, которые создает зона свободной торговли в рамках СНГ (большинство стран Содружества подписали Договор о создании зоны свободной торговли 18 октября 2011 г.). Наличие на постсоветском пространстве двух объединений, сильно различающихся по степени внутренней интегрированности, безусловно, будет создавать проблемы в их взаимодействии. Эти проблемы могут быть смягчены предоставлением всем членам Зоны свободной торговли статуса партнеров по сотрудничеству в рамках ЕЭП.

В связи с созданием ЕЭП встает вопрос и о судьбе Союзного государства Беларуси и России. Поскольку центр тяжести интеграционной активности обеих стран в сфере экономики переместился на уровень «тройки», российско-белорусское интеграционное сотрудничество в этой сфере станет его частью, хотя едва ли в нем полностью растворится. Будущее Союзного государства в этой связи видится в отработке механизмов сотрудничества в социальной, инновационной, оборонной и иных сферах неэкономического характера с последующим распространением на другие интеграционные проекты.

Проблемы, обозначенные бизнес-сообществом. Таможенный союз формируется без участия представителей бизнеса (РСПП, в частности), которое необходимо для улучшения качества законодательных актов. Бизнес отмечает, что тремя главными проблемами в рамках ЕЭП сегодня являются работа таможни, защита рынков и техническое регулирование, в частности: не решен вопрос налоговых режимов, возмещения НДС, электронных деклараций, национальных промышленных субсидий, нужно ускорить принятие оставшихся техрегламентов, координировать национальные программы промышленного развития и т. п.

Модернизационные аспекты и повы-

Таблица. Увеличение темпов роста ВВП страны А в случае интеграции со страной В (в процентных пунктах)

	Страна А									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Страна В										
Азербайджан		–1.42	–0.08	–0.46	–0.69	–0.83	–0.01	–0.37	–0.13	–0.02
Армения	–0.61		–0.09	–0.23	–0.50	–0.59	–0.01	–0.28	–0.07	–0.01
Беларусь	–1.27	–1.46		–0.54	–0.69	–0.85	–0.02	–0.34	–0.15	–0.02
Казахстан	–1.48	–1.42	0.07		–0.61	–0.78	–0.02	–0.22	–0.16	–0.01
Киргизия	–0.84	–1.25	–0.10	–0.33		–0.73	–0.01	–0.34	–0.09	–0.01
Молдова	–0.79	–1.21	–0.10	–0.31	–0.60		–0.01	–0.33	–0.09	–0.01
Россия	–0.48	2.09	3.37	0.25	2.94	2.71		3.40	1.14	0.90
Таджикистан	–0.98	–1.35	–0.10	–0.40	–0.67	–0.80	–0.01		–0.11	–0.02
Узбекистан	–1.64	–1.18	0.33	–0.75	–0.34	–0.52	–0.03	0.07		0.02
Украина	–1.57	–0.36	1.09	–0.68	0.49	0.29	–0.04	0.93	0.06	
Все страны региона	0.62	4.05	5.05	1.11	4.86	4.63	0.06	5.30	1.90	1.11

Источник: Подсчитано по: World Trade Developments in 2006. Appendix. Table A 3. http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2007_e/its07-appendix_e.pdf; Страны Евразийского сообщества. Статистический сборник. М., 2007. С. 107.

шение конкуренции. Формирование региональных торгово-экономических блоков непосредственно не обеспечивает устойчивых темпов развития стран-участниц, прогрессивных структурных изменений в их экономике, выравнивания уровней развития, но создает для этого предпосылки в виде расширения рыночного пространства, повышения эффективности использования имеющихся ресурсов через увеличение масштабов производства и расширение потребительского выбора, усиления конкуренции между производителями, обмена лучшими практиками и знаниями.

Как показывает мировой опыт, успешность интеграционной группировки и ее устойчивое развитие зависят от того, насколько она опирается на национальные технологические разработки и каково ее место в мировом инновационном процессе. Региональные технологические и продуктовые нововведения, получающие мировое признание, лежат в основе роста взаимного товарооборота и национальных экономик. Поэтому формирование ЕЭП, а впоследствии ЕАС, должно быть тесно увязано с программами модернизации национальных экономик, созданием необходимых институтов, продвигающих новые продукты и технологии на общий рынок стран-участниц и за его пределы, широкое внедрение аутсорсинга в инновационной и хозяйственной деятельности. Именно это необходимо для построения новой диверсифицированной экономики.

Пока же взаимное сотрудничество играет ограниченную роль в модернизации экономик стран как ЕЭП, так и Содружества в целом. Постсоветские страны для модернизации национальной экономики значительно шире используют заимствованные из третьих стран бизнес-идеи и технологии, что приводит к формированию трансграничных технологических цепочек и опережающему росту торговли с ними.

Ситуация, на наш взгляд, двусмысленная. Модель догоняющего развития допускает в целях создания таможенного союза торговлю продукцией, созданной на основе технологий третьих стран, но в определенных пределах. Необходимо создание не столько условий для сбыта продукции, сколько собственно трансграничных производственно-технологических цепочек, образующих субстрат интеграционного объединения.

Таким образом, каждой из характеристик интеграционного потенциала Единого экономического пространства свойственны двойственность и неоднозначность. Достаточные размеры создаваемого рынка и однородность социально-экономических показателей нивелируются сырьевой ориентацией экспорта и структурными проблемами в экономиках стран-участниц; потенциальные выгоды от возможного расширения проекта ЕЭП сопряжены с рисками усиления диспропорций, поскольку желающие присоединиться страны невелики по размерам внутреннего рынка и представляют собой полупериферийную часть мировой экономики. Разноскоростной и разноуровневый подходы в интеграции объективно обусловлены экономическими и политическими факторами желающих присоединиться стран, но в то же время придают проекту декларативность и необязательность исполнения, а каждая новая интеграционная инициатива на пространстве СНГ (в том числе Таможенный союз и ЕЭП) создает конкуренцию и иные сложности в деятельности уже существующих объединений. Наконец, при декларируемом создании режима «четырех свобод» к дальнейшей разработке проекта ЕЭП в недостаточной степени привлекаются представители бизнес-сообщества.

В этих условиях на передний план должны выходить вопросы конкурентоспособности и модернизации, а также ориентация на двусторонние торгово-экономические отношения, какие Россия и другие государства СНГ успешно развивают со странами Прибалтики, Восточной Европы, Южной и Восточной Азии.

Литература

1. Вопрос в лоб Сергею Глазьеву // Завтра. 2010. № 44. С. 1.
2. *Либман А.М., Зевин Л.З.* Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста // Евразийская экономическая интеграция. 2009. №2 (3). С. 83.
3. *Вардомский Л.Б.* Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 52.

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ В США: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ

Виктор МАЛЫШЕВ
соискатель ученой степени кандидата наук РАНХиГС

Если в конце прошлого столетия можно было назвать лишь некоторые регионы, например Ближний Восток или Северную Ирландию, в которых угроза экстремизма и терроризма была очевидной, то в XXI веке проблема экстремизма затронула все страны мира.

С проявлением экстремизма и терроризма столкнулась и такая страна, как Соединенные Штаты Америки, однако уже в год происшедшей трагедии был принят антитеррористический и антиэкстремистский закон – «Акт США о патриотизме» (2001 г.). При этом со стороны правозащитных организаций США высказывались сомнения в том, что принятый в такой спешке закон может создать только видимость укрепления национальной безопасности, будучи на самом деле направленным против свобод граждан. В этой связи А.Г. Залужный справедливо отмечает, что, как показали последующие события, «если меры по противодействию экстремизму и терроризму оказываются эффективными, то они находят понимание у граждан, в том числе в среде верующих» [1, с. 309].

В США за последнее десятилетие не произошло ни одного крупного террористического акта. Одной из причин, на наш взгляд, является пристальное внимание к раскрытию и тщательному расследованию преступлений экстремистской направленности. Поэтому анализ политики и законодательства этой страны в сфере противодействия экстремизму будет полезен и для России.

В США, как отмечают М.А. Кочубей и В.С. Овчинский, экстремистами называют террористов и всех лиц, проповедующих насилие на почве ненависти по отношению к различным политическим, расовым, национальным, религиозным группам, а также лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Применив методику расчетов, принятую в России, но не применяющуюся в США, эти авторы проанализировали данные ФБР на 2007 г. и получили результаты, согласно которым удельный вес преступлений против выходцев из Латинской Америки (легальных и нелегальных) в структуре всех преступлений на почве ненависти (это устойчивый термин в правоохранительных органах США) составляет 7,8%; против евреев – 12,7%; против гомосексуалистов и лесбиянок – 16,6%. А удельный вес преступлений, совершенных на почве религиозной вражды, – 18,4% [2, с. 101].

Эти же авторы указывают на важную особенность системы противодействия экс-